

Гастроли Черниговского
5 театра

Памятные спектакли

ПО ПРАВДЕ, я был смущен, когда занавес оперного театра как бы нехотя и даже растерянно ушел к кулисам и обнажил пейзажи, мягко говоря, скромный. Какие-то покосившиеся плетни, подробный задник не первой свежести, подсолнухи со сломанными головками. Потом на сцену, пустовавшую несколько мгновений, вышли два старика и, словно издеваясь над терпением зрителя, долго и вяло говорили о чем-то скучном. Мало кто из зрителей не углубился в эти минуты в театральные программы.

А затем глубоко в центре нашего рассеянного внимания щелкнул переключатель... Трудно найти другое слово, чтобы охарактеризовать ту мгновенную смену настроений, посетивших зрителя на одном из первых спектаклей Черниговского музыкально-драматического театра. В какую-то секунду, наверное, каждый почувствовал, что, несмотря на декорации, выполненные в накукивающей манере, на традиционность многих мотивов, встретился с театром, постоянно ищущим.

Большинство произведений,

привезенных нам черниговцами, — это музыкальные народные драмы, воссоздающие духовный гений украинского народа, поэзию его души, песенность его характера. И, видимо, это пристрастие к эпической драме, стремление говорить не столько об изолированной личности, сколько о судьбе родного народа в целом, определило одну из интереснейших граней творческого облика коллектива. И в повести О. Кобылянской и в оперетте А. Рябова, а также в драмах М. Кропивницкого и М. Старицкого и во многих других произведениях, поставленных театром, черниговцы искали в тех краях, где ищет композитор-симфонист.

Прежде всего мы должны говорить об умении чуть ли не всех режиссеров коллектива сливать в единый неразрываемый ансамбль разноплановые интонации и изгибы развиваемого действия. И лучшим примером в этом ряду будет первый акт драмы В. Василько по повести Ольги Кобылянской «В воскресенье утром зелье собирала», поставленной режиссером В. Пархоменко. Радостные игры цыган, отчаяние обманутой женщины, дикий гнев мужчины, визгливые крики мести и финальные пляски, то молитвенно сумрачные, то изумленные, — все это складывается в одну многоликую симфонию, проникнутую тревогой и мечтой.

Подобные сцены, в которых лепится могучий образ самого народа, уфимцы могли найти и у режиссера П. Морозенко, и у В. Игнатенко, и у Л. Остряка.

Но это положительное порой оборачивается большим недостатком, когда постановщик, увлекшись ансамб-

лем и шире — общим симфоническим звучанием спектакля, упускает тончайший элемент театрального искусства, каким является правда актерского чувства. Многие в спектаклях черниговцев говорит о том, что режиссер часто не идет дальше логического анализа конкретного образа, не ищет вместе с актером тех опорных точек в личном самочувствии исполнителя, которые позволили бы последнему заглотить в самое сердце роли.

Наверняка, уфимцы успели полюбить большого мастера, беспощадного сатирика Изана Лиховида. В жизни это — добродушный и даже несколько вялый человек с усталым взглядом. А на сцене — фейерверк пластических острот, если допустимо такое определение. Им я пытаюсь охарактеризовать ту блистательную игру И. Лиховида в ролях злосчастного кладоискателя Сусика («Трембита») и анархизирующего одесского вора Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке», когда каждый жест — убийственная реплика, а движение — уже целый рассказ.

Но тот же актер прошел весьма незаметно в роли крепостного крестьянина Антона в драме М. Кропивницкого «Пока солнце взойдет, роса очи выест». И дело тут не в границах творческого диапазона И. Лиховида. Драматические роли отнюдь не противопоставлены этому талантливому актеру. Видимо, режиссер не извлек из внутренних возможностей артиста единственно верный мотив, который повел бы его свободно и вдохновенно к тайникам сердца образа.

А говоря о внутреннем перевоплощении, о глубоком проникновении в изображаемый характер, мы должны самым добрым словом упо-

мянуть целый ряд актеров Черниговского театра.

Если бы не программка, где черным по белому выведена фамилия Николая Расцветалова, то вы вряд ли догадались, что доверчивого и чуть суеверного Атонаса из «Трембиты», гордого и жестокого вожака цыган в повести О. Кобылянской, наконце, лихого бандита Грицана Таврического в оперетте А. Рябова и Л. Юхвида играет один и тот же актер. Что ни образ — то характер, самобытный и неповторимый, как любая личность. Эти же качества отличают творчество таких талантливых актеров, как Елена Шведская, Эмма Мороз, Владимир Игнатенко.

Но все это — актеры старшего поколения, прошедшие долгие дороги жизни, накопившие огромный опыт. Что же касается молодых исполнителей, то, к сожалению, большинству из них не хватает, пожалуй, школы, системы, которая привила бы им вкус не к эффектам, а к суровой истине.

Анатолий Гурский, Ольга Зеленская, Алла Мацуева, Тамара Рубан, Виктор Мирошниченко — им, а также многим другим молодым актерам театра не откажешь ни в обаянии, ни в даровании. В. Мирошниченко, например, мы видели пока только в эпизодах. Но, находясь даже в самых задних рядах «массы», он не забывает надеть своего безымянного героя одной-двумя характерными чертами, превращающими статиста в живого человека.

С удовольствием уфимцы познакомились с Тамарой Рубан в роли горестной Гали в «Цыганке Азе». Блистательный А. Гурский и очаровательная А. Мацуева тоже надолго запомнятся нашему

зрителю. Они оба демонстрировали самую элегантную манеру игры, когда техника, красивый голос, яркая внешность становятся неотразимыми средствами покорения зрителя.

И все же в этом длинном списке молодых талантов Черниговского театра мы должны отдать предпочтение Ольге Зеленской. Она идет трудной дорогой, ищет мучительно и жадно. Порой, когда, видимо, ею овладевает зависть к той легкости, с какой творят некоторые ее товарищи, Зеленская поддается соблазну внешней броскости. Но в своих удачах О. Зеленская — актриса подлинного, неразбавленного сиропом переживания.

Такова ее Оксана в драме М. Кропивницкого. Сцена сумасшествия опозоренной девушки стала вдохновеннейшим мгновением во всей гастрольной театре. Это — импровизация, в которой поэт, переливается каждый жест, каждая интонация ее глубокого голоса.

Но как много надо учиться и О. Зеленской, и А. Мацуевой, и А. Гурскому, и некоторым другим, чтоб подобные минуты, перестав быть случайностью, наложили свой магический отпечаток на всю динамику роли. И тут опять мы должны обратиться упреки в адрес режиссера. Кто, кроме него, может разбудить в актере неугасимый огонь, освещающий все изгибы роли?..

С. САИТОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «В воскресенье утром зелье собирала» в роли Настии — артистка Ольга Зеленская, Гриця — артист Анатолий Гурский.

Фото И. Данилова.